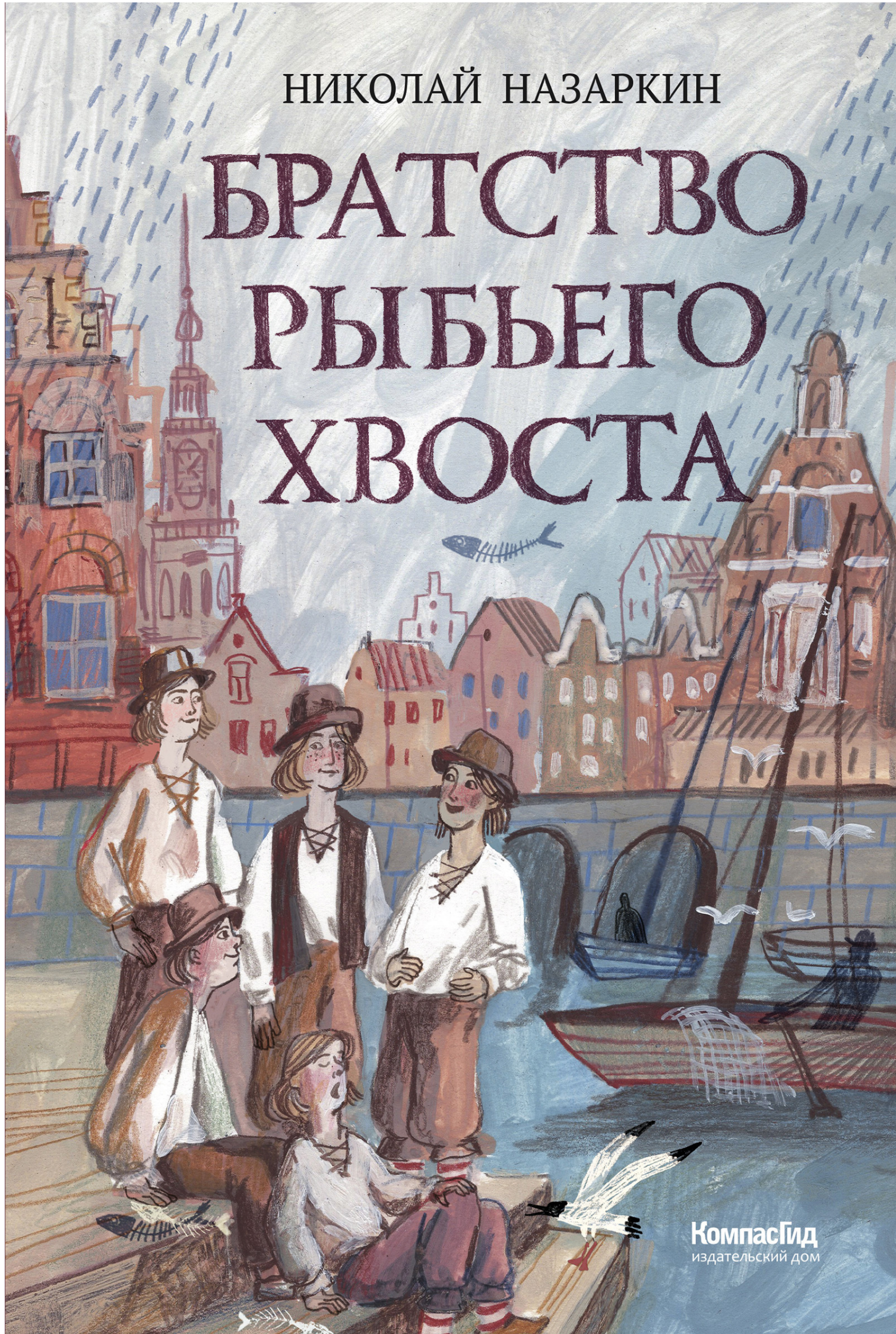

НИКОЛАЙ НАЗАРКИН

БРАТСТВО РЫБЬЕГО ХВОСТА

КомпасГид
издательский дом

Николай Назаркин
Братство Рыбьего Хвоста

ИД "КомпасГид"

2026

УДК 821.161.1-311.6-93

ББК 84(2=411.2)6-44

Назаркин Н. Н.

Братство Рыбьего Хвоста / Н. Н. Назаркин — ИД "КомпасГид",
2026

ISBN 978-5-907957-75-6

Долгожданная новинка от Николая Назаркина, автора десятка книг, чьи «Изумрудная рыбка» и «Мандариновые острова» стали классикой современной детской литературы. Главный герой новой повести – Янтье. Его жизнь меняется, когда ему исполняется 11 лет. Он получает от матери отцовскую шапку и переезжает из родной деревни в портовый город, где поступает учеником в канатную мастерскую. С утра до вечера, в пыли, он крутит сложный станок. И, конечно, заводит друзей, с которыми в свободное время лакомится рыбьими хвостами. Но внезапно оказывается, что сообразительный и честный парень нажил себе врага... Несмотря на то, что эта история погружает нас в жизнь Нидерландов XVII века, читать её легко: захватывающие приключения становятся фоном для взросления героя, а его стремление разобраться в людях и повлиять на свое будущее не могут не вызывать симпатию. Динамичный сюжет понравится и младшим подросткам, и тем, кто постарше. Николай Назаркин – писатель, библиотерапевт, лауреат премий «Заветная мечта», «Книгуру» и «Саламандра». Более 20 лет жил в Нидерландах, где работал в историческом музее.

УДК 821.161.1-311.6-93

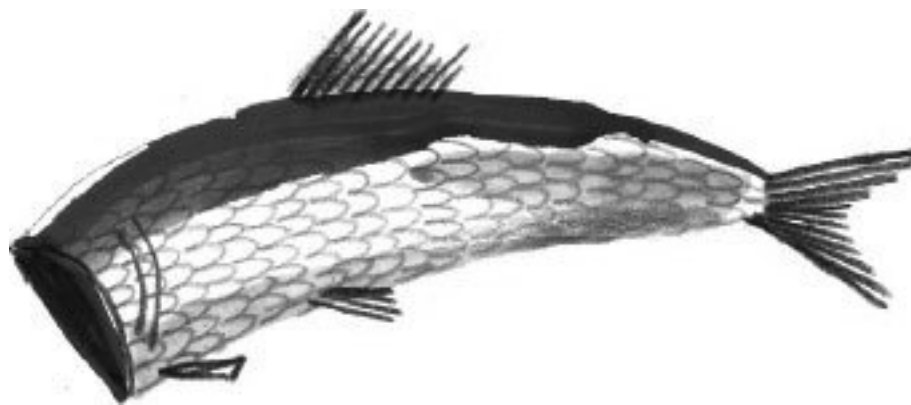
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907957-75-6

© Назаркин Н. Н., 2026
© ИД "КомпасГид", 2026

Содержание

Несколько слов в начале	7
Часть первая	8
Глава первая. Янтъе-белоручка	9
Глава вторая. Отцова шапка	13
Глава третья. Большой город и неожиданная родня	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Николай Назаркин

Братство Рыбьего Хвоста

Иллюстратор Екатерина Ильюшенко

© Назаркин Н.Н., текст, 2026

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2026

Несколько слов в начале

Начало XVII века. 1620-е годы. Небольшой уголок северо-западной Европы, страна, что мы знаем сейчас как Нидерланды. А тогда именовалась она Республикой Семи Соединённых провинций, Семи Соединённых Нидерландов.

Семнадцатый век, Золотой век. Ещё бушует на юге и востоке страны долгая Восьмидесятилетняя война с Испанией, уже раздувает ветер паруса «зеркальных кораблей» великой Ост-Индской компании. Крутятся по всей стране десятки тысяч ветряных мельниц, товары из тысяч мастерских делают Республику главной торговой гаванью мира.

Паруса и тюльпаны, пряности и порох. Богачи платят два веса золотом за чашку шоколада, бедняки размачивают в воде хлеб.

А на севере провинции Голландия, в сорока милях от Амстердама, недалеко от древнего и богатого города Алкмара, в маленькой деревушке на берегу грозного Схермер-озера (вы не найдёте его на картах, и это не просто так!) начинается одна история...

*Крепость верёвки узнаешь лишь в шторм.
Нидерландская пословица XVII века*

Часть первая

Глава первая. Янтъе-белоручка

Всем на свете мы обязаны милостивому господину Свинкелю. Так говорит маманя, а с маманей лучше не спорить: вмиг протянет тебя по хребтине скрученной в жгут тяжёлой мокрой простыней! Ой-ой, сразу все возражения забудешь.

А мокрые простыни у неё целый день в руках: маманя – лучшая прачка славного города Алкмара и окрестностей...

– Ян! Янтъе!.. Куда ты опять провалился, наказание моё!.. Янтъе!

Эх, это меня. Если маманя сама найдёт, то только хуже будет. Я с тоской посмотрел на обломок лезвия рыбацкого ножа, который как раз оттирал от ржавчины, засунул его в самодельные, но крепкие ножны из куска свиной шкуры, спрятал под рубахой и вылез из кустов сирени.

И припустил к дому.

– Янтъе вейнуйся! – обрадовалась моему появлению сестра, Катье-младшая, что сидела на маленькой лавочке у калитки и перебирала стручки фасоли. – А тебя маманя жовёт!

Сразу три зуба у неё выпали как раз днями, отчего она отчаянно шепелявила, и получалось смешно.

– Знаю, – веско обронил я и прошёл в калитку.

Перед тем как идти дальше, на задний двор, откуда слышался уже голос матери, остановился и хорошенько ополоснул руки из висящего на цепи деревянного ведёрка. Мельком отметил, что воды уже мало и надо бы долить. Так что вошёл к мамане я солидно, мол, вовсе не забыл про всё на свете, а иду с ведром по делу.

– Вот ты где, горе моё! – на маманю эта солидность никакого впечатления не произвела и не обманула. – Ты где шатаешься, когда пора простыни госпожи Берксма снимать?!

Ох, точно! Ой, голова моя пустая, ведь что стоило сначала-то мамане помочь, зато потом весь день – мой?! А теперь маманя уже не отпустит, рассердилась, сразу видно.

Она руки в боки, на фоне развешанных всюду отбеленных простыней, белоснежных рубах и другого разного белого-белого. Лёгкий ветерок шевелил всё это белое царство, оно волновалось, словно молочное озеро или даже море, похожее на паруса. Не те, обычные, серые да залатанные паруса рыбацких лодок, что выходят каждое утро на лов, а паруса волшебных кораблей, о которых рассказывала маманя, когда я был маленьким, и на которых плавали всё сплошь короли да феи.

Но теперь сказок не предвиделось. Маманя жутко сердилась – посреди ослепительно белого двора, пахнувшего мокрой травой, свежей водой и нежным запахом секретного мыла, из-за которого она и славилась первой прачкой города Алкмара и его окрестностей.

Это все признают, недаром же каждое утро, ещё до рассвета, тянутся к нашему дому служанки богатых алкмарских господ с корзинами белья. Все такие городские, важные – ни одной босой нет, все в деревянных башмачках-кломпах, а иные ещё и в лакированных, раскрашенных. В таких, небось, и по райским облачкам прогуляться не стыдно.

На наших, деревенских, и глядят-то искоса, только между собой шу-шу-шу да хи-хи-хи. Бывает, и на лодках, а то и на возках подкатывают, во дают! Это ж по деньгам чуть не стойвер выходит, на такие шиши можно ножик купить у старьёвщика дяди Вима! Да хороший ножик, почти не пользованный, не сточенный.

А всё одно мамане кланяются, городские-то, просят быстрее именно их корзину в работу взять. Знаем мы их, небось, бельё-то ещё прошлым днём надо было нести, а эти вертихвостки вместо работы орехи грызли да сплетничали. А теперь вот «окажите милость побыстрее, уважаемая Катье!».

Маманю тоже Катье зовут, как и сестрёнку. Ну то есть наоборот, конечно: сестру в честь мамани назвали. Это всегда так. Первую дочь обязательно в честь маманиной мамани называют. Как нашу Лидье, старшую сестру. Она уже взрослая, ещё зимой замуж в деревню Оутерлейк вышла, что аж на другом конце нашего огромного Схермер-озера.

Вторую же положено в честь папаниной мамани, как нашу Минтье. Только не повезло Минтье, умерла она давно, когда я сам ещё маленьким был. Кашляла да и умерла.

А вот первого сына назовут, конечно, в честь папаниного папани, дедуни, значит. У нас в семье это легко – уже лет сто одни Яны рождались. И папаня мой Ян был, и дедуня Ян, и его отец – тоже Ян! Удобно.

Так что зовут меня «Маленький Ян» – Янтье. Ян, сын Яна Канатчика, Яна ван Тау, – звучит! Я – Ян Янсзон (что и значит «сын Яна») ван Тау! Во как!

Правда, никто меня Яном Янсзоном ван Тау не назовёт – полное имя богатым да знатым господам полагается. А мы не знатны и совсем не богаты: весь доход только от маманиной стирки. Папаня-то у меня умер: вышел прошлой осенью на лодке да и сгинул. Хоть и не такое глубокое, как море, а осенними штормами страшно наше Схермер-озеро.

Искали неделю: рыбаки своих не бросают, а мы хоть и не рыбным делом занимаемся, а всё ж свои, деревенские. Да и папаню моего знали все тут: небось не в каждой деревне свой канатный мастер есть.

А нас в семье тогда трое голодных ртов было: я, Лидье, моя старшая сестра, и Катье-младшая, меньшая сестрёнка. На Рождество, правда, Лидье вышла замуж, да получилось как бы не хуже: помогать мамане стирать остался я один. Катье-младшая ещё маленькая совсем, пять лет всего.

Были у меня, конечно, ещё братья и сёстры, только они быстро померли, младенчиками. Сейчас, верно, они в раю, играют да кушают спелые яблоки. В раю-то, небось, и игрушки все новые, не замусоленные, как Анни, кукла нашей Катье-младшей. Ещё бы, с Анни и Лидье играла, и маманя наша, когда сама девчонкой была, и даже маманина маманя, что умерла задолго до моего рождения.

В раю-то, небось, куклы все новые!

Правда, год назад, когда и папаня жив был ещё, объявился у нас в деревне новый проповедник. Дело обычное – как полвека назад, как раз после Наводнения всех святых, католиков-то прогнали, так стало таких проповедников не счесть. И все вроде про одно толкуют, а по-разному.

Этот же прошёлся по деревне, залез на бочку на углу трактира да давай своё учение проповедовать. Народ, конечно, подошёл, послушать-то. Всё какое представление.

Поначалу тот проповедник людям понравился. Потому что слова говорил всё больше строгие, порядки предлагал суровые, для рыбаков-то самое оно. Особенно про то, что в Библии, мол, рыбаков особо выделяли и им уж точно первое место в раю давали. Это, по мнению собравшихся, было верно и правильно. Не моряков же, в самом деле, первыми в рай пускать! Рыбак – он цельный день занят, а моряк что? Сел себе на корабль да плыви-отдыхай! Бездельники они – таково про моряков твёрдое рыбацкое мнение!

А проповедник, видя такую поддержку, совсем раздухарился и, размахивая руками, вещал:

– Другим же, недостойным, ад положен от рождения! И псы адовы в мантиях епископских рвать их плоть и тянуть жилы будут!..

Тут, правда, толпа слегка посмурнела: епископы – они же и светские владыки, как-то негоже, чтобы в их мантиях всякие собаки разгуливали. Опять же, если епископа-владыку раздеть можно, то и графа какого, небось, тоже? А то и короля? Нет ли тут умаления власти?

Но проповедник ничего не замечал и не унимался:

– А земля в аду вымощена черепами некрещёных младенцев!

Толпа затихла. Даже мы, ребята, сидевшие поодаль на заборах, притаились. Без крещения, конечно, в рай не попасть... Да только у любого тут, кого ни ткни, то сын, то дочь, то брат или сестра во младенчестве умерли. Воля Божия, конечно, но такого стерпеть народ не мог.

Откуда ни возьмись на бочке очутились двое: Тим-плотник да Ян, мой папаня. Тим ухватил проповедника за ноги, папаня – за голову, и, чтобы далеко не ходить, зашвырнули они знатока Библии аккурат в сточную канаву, что трактир огибала. Утонуть там даже с перепоею не утонешь, а вот охладиться да «ощутить всю мерзость бытия», как наш пастор выражается, – самое оно.

Тем проповедь и закончилась. Правда, пастор потом в воскресенье в церкви пожурил папаню и Тима-плотника за своевольное обращение с духовным лицом и неправильные трактовки религиозных дебатов, но тут же признал, что поскольку молния их на месте не испепелила, то и у него претензий нет.

Пока я тут всё это вспоминал, то без дела не стоял, конечно. Меня ж маманя не за тем звала.

Вдвоём мы вытащили из сарая широкую и высокую корзину, точнее даже плетёный ларь. Он был прямоугольный, размером как раз с простыню, сложенную вдвое. В этом ларе нам госпожа Берксма стирку и отдала. Не сама, конечно, через служанку. И в этот-то ларь мы бодро, в четыре руки, начали складывать высохшее бельё, тщательно следя, чтобы не запачкать, не испортить работу.

Вот почему я мыл руки, прежде чем войти на задний двор. А если извалялся где или подрался с кем, так и голову, и шею, и даже живот со спиной и ногами мыть приходится. Как принцесса какая-нибудь. А дерусь я часто. Тоже из-за этого.

Вот как сейчас, верно, буду. Потому что над забором возникла голова Тимпи, сына Тима-плотника, и засвистела:

– Эй, куда спрятался? Кто говорил, что в ножички отыграется?! Струсил, Янтье-Белоручка?!

Глава вторая. Отцова шапка

разу нам смахнуться, конечно, не дали. Мамадя рявкнула на дурака Тимпи, и тот исчез за забором. В самом деле дурак: кто же при родителях вызывает? Только тот, кто не на честный бой рвётся, а ремнём или мокрой простыней получить хочет. По спине и ниже. Дурак, в общем, обезьянья башка. И за «белоручку» ответит!

Я же сделал вид, что мне вызовы всяких дураков ничуть не интересны, и стоял почти спокойно, помогая мамане.

– Чего ты ногами елозишь, всё равно не пушу, – пробурчала та, аккуратно закрывая ларь.

Я только вздохнул. Не ответить на вызов – это же на всю деревню позор! Да мне даже девчонки вслед плевать станут, даже Анна-Мария из Большого дома!

Но мамадя меня ухватила за руку и потащила за собой в дом. Чудно! В доме-то мы сейчас, по майской погоде, только спим. Потому что «нечего грязь тащить», как всегда говорит мамадя. Но сейчас она завела меня в дом, прямо на скоблённый, чистый-чистый пол, застеленный цветными половичками, и поставила перед собой.

А сама села на лавку-сундук, положив руки на колени. Смотрит на меня и молчит.

Я даже испугаться успел. Сразу начал вспоминать, чего такое мамадя про меня узнать могла, о чём я ей не говорил.

Обезьянья башка Тимпи проболтался, что мы у его отца, Тима-плотника, стружку стащили да спалили в старой жестяной трубе, когда хотели сделать настоящую пушку? Да вряд ли, а от меня и дымом не пахнет совсем – не зря мылся!

Бабка Йоханна пожаловалась, что мы через лаз в её заборе короткой дорогой на мостки ходим? Тоже вряд ли, мы уже неделю там не лазали, чего бы ей вдруг это вспоминать!

Может быть, кто-то засёк меня, когда я подсматривал, как девчонки из Большого дома купались? Но кто?! И как, я же один был...

И тут я увидел, что мамадя плачет. Сидит с прямой спиной, смотрит на меня, а по щекам слёзы текут.

– Ма? – тихо спросил я. Все мысли о грехах сразу из головы вымело. – Ма, ну ты это... Ты чего, а?

Она странно как-то вздохнула, а потом вдруг схватила меня и обцеловала всего. Я не сопротивлялся, хотя большой уже и всех этих нежностей терпеть не могу. У неё вон Катье-младшая для поцелуйчиков есть! Той только дай повод пообниматься, прилипнет, как тина в заводи.

Мамадя наконец перестала меня тискать, отстранила от себя и вытерла глаза рукой. Потом, также ни слова не говоря, поднялась и откинула крышку лавки-сундука, на которой сидела. Порылась там немного – много-то и не вышло бы, не накопили мы богатств, – достала свёрток из грубой парусины, закрыла сундук и бережно положила находку на стол.

– Ян, сыночек, – как-то очень серьёзно начала она. – Ты уже взрослый совсем. Ловкий да сильный. Папка наш тобой бы гордился. Ты настоящий Ян Янсзон ван Тау.

От таких слов мне стало тепло и слегка тревожно. Внутри было щекотно, словно что-то просилось наружу, но я понятия не имел что.

Мамадя опять вздохнула и продолжила:

– Помнишь, я в город ездила в конце зимы ещё?

Я кивнул: помню, конечно.

На Масленичной неделе маманя как-то целый день вместо стирки сидела у печи и мазала красные, распухшие руки какой-то вонючей мазью, что притащила Катье-младшая от бабки Йоханны, нашей местной ведьмы. Её все ведьмой зовут. Боятся, значит, но ходят. Её снадобья помогают от ломоты, грыжи да простуды.

А на следующее утро маманя собралась, надела своё лучшее платье в красную и чёрную полоску и самый новый, самый белый передник, подкрасила сажей ресницы и брови, мазнула красной глиной по губам и поехала в город.

Вернулась только к вечеру. От неё сильно пахло янэйвером, можжевеловой водкой, а сама маманя улыбалась и при этом утирала слёзы.

Тогда она ничего не сказала, а сейчас вот вспомнила.

– Я ездила к милостивому господину Свинкелю, – продолжила маманя.

Ага, понял я, к тому самому милостивому господину Свинкелю, владельцу канатной мастерской, где работал мой отец, Ян ван Тау, пока не утоп. И которому мы всем обязаны, как не устаёт напоминать маманя. Но при чём тут я? И зачем плакать?

– Мы договорились, что ты, Янтъе, Ян Янсзон ван Тау, поступишь к нему в ученики, как только войдёшь в возраст.

Ого, вот это новости! Я – и в ученики! В город! К самому милостивому господину Свинкелю! Да наши деревенские с ума сойдут, когда я им это расскажу! Даже Тимпи, обезьянья башка, всего лишь у своего отца, Тима-плотника, учеником прозябает. А я в настоящий город, в настоящую канатную мастерскую иду! Да там, небось, народу больше, чем на рыбацкой лодке работает! Дюжина, небось, а то и целых две! Это тебе не стружку мести!

А маманя продолжила:

– На той неделе тебе исполнилось одиннадцать, сыночек! Ты стал совсем взрослым...

Я солидно кивнул. Есть такое дело, чего скрывать!

И тут маманя взяла и размотала свёрток, что достала из лавки-сундука. Я про него и думать забыл, а он самым важным оказался! Потому что маманя аккуратно смахнула с войлока невидимые пылинки, достала оттуда и водрузила мне на голову настоящую, родную отцову шапку.

Шапка коренная, рыбацкая – круглая, из чёрного плотного козьего войлока с кожаными вставками, с широкими обвислыми полями. Спереди поля круто загибаются, прижимаясь ко лбу, открывают обзор и придают тебе сразу лихой рыбацкий вид.

Но самое главное – это настоящая шапка. Отцова шапка.

Всё остальное мигом вылетело у меня из головы. Шапка! Отцова! И я могу теперь её надеть!

Мы, мелкота, мальчишки и девчонки, головных уборов не носим. Не заслужили ещё. Пустые головы. Шапки, шляпы, чепцы и прочее – убор взрослых. Это взрослому с непокрытой головой на улицу выйти позор, лучше уж без штанов, право слово.

И вот я стою в шапке. Как взрослый! Нет! Не как! Просто – взрослый!

Маманя посмотрела на меня, опять вытерла глаза и говорит:

– Завтра ты отправляешься в Алкмар. Я договорилась, тебя до самых ворот проводят. В Алкмаре найдёшь канатную мастерскую милостивого господина Свинкеля. Она за Горбатым мостом, против Рыбных рядов. Передашь ему поклон от вдовы Яна ван Тау да пирог с фасолью, как раз сегодня печь будем.

Я только кивать мог и говорить «ага, ага». Слушать я, честно сказать, не очень слушал. Чего там слушать?! Что я, целую канатную мастерскую в городе не найду? А пирог завтра дадут только.

– И помни, что всем на свете мы обязаны милостивому господину Свинкелю! – строго повторила маманя свою присказку.

Я послушно кивнул.

Голова моя была от милостивого господина Свинкеля далеко. Я представлял себе, как выйду сейчас на улицу. В шапке! В шапке, конечно, уже не побегаешь, как простоволосый ребёнок какой. Не тот вид.

Идти буду не торопясь, сплёвывая сквозь зубы... Эх, жаль, что у меня жевательного табака нет и сплюнуть нечем! Вон Тим-плотник как сплюнет, так сплюнет – жёлтая слюна на пять шагов летит! Во как надо!

Хотя... Нет, не буду я как Тим-плотник! Папаня-то мой табак не жевал! И я не буду, все и так увидят, что я уже взрослый.

– Да иди уже, сейчас в полу дырку протрёшь, как елозишь, – отпустила меня маманя. – Вечером, как пробьёт на колокольне седьмой час, чтоб дома был!

И я рванул наружу.

Перед калиткой с заднего двора взял себя в руки, глубоко вздохнул, сунул руки в карманы и в палисадничек вышел уже солидно, как и полагается взрослому человеку.

Катье-младшая давно закончила с фасолью и теперь болтала с подружками на лавочке. Увидела меня, смешно округлила и рот, и глаза. Линтье и Гантье, подружки её, тоже ошарашенно смотрели на меня, на нового, взрослого Янтье... Нет, не Янтье – на Яна!.. Глаза у них так и блестели от восторга.

Я солидно, но скромно кивнул, поприветствовал всех троих. Пусть знают, что взрослый Ян не зазнался и хороших людей уважает.

Они мне медленно кивнули в ответ, а белокурая, как ангелочек, Линтье ещё и покраснела при этом. Она быстро краснеет, у неё кожа белая-белая, как у принцессы какой. Хотя дочка совсем не короля, а нашего старика Клауса, парусного мастера.

Так, довольный первым впечатлением, пошёл я по улице. Девчонки что, они мелкие совсем. Вот бы сейчас Тимпи встретить! То-то бы он ошалел!

Но дурака Тимпи нигде не было видно. Может, оно и к лучшему – я спокойно прошёлся по всей главной улице деревни, приветствуя взрослых как равный. То есть слегка кланялся и приподнимал шапку. Те, надо сказать, сначала изрядно удивлялись. Как же: только утром я носился обычным пустоголовым мальцом! Спрашивали: «Почему в шапке, Янтье?» А я им степенно отвечал: мол, я теперь ученик в канатной мастерской, в город завтра иду. Они все улыбались, приветливо кивали, мужчины тоже приподнимали шапки, а женщины отчего-то печально качали головами да отводили взгляд, утирая глаза передниками. А то и догоняли потом, всучивая мелкие монетки – бабка Йоханна дала целый стойвер! Точно ведьма! – и не слушали возражений. Я краснел и прятал монетки в пояс.

Так и дошёл до нашего места, за запрудой, на песчаном берегу в окружении густых зарослей камыша.

– Смотрите-ка, Янтье-Белоручка явился! – Тимпи меня первым заметил.

– Ишь ты! Идёт будто взрослый! – заржал Толстый Йон, сын Йохима-трактирщика.

– Ещё и шапку нацепил! – хмыкнул Тимпи. – Втайне от мамки, небось, в сундук залез!

– Это ты по сундукам втайне лазаешь! – с достоинством отбрил я приятеля. – А я шапку по праву надел!

– Врёшь! – обиделся Толстый Йон. – Врёшь, собака!

Ещё бы, ему тринадцать уже скоро, а шапку я получил. И теперь по всем законам могу ему хоть по шее дать, хоть по делу послать. Обидно!

– Сам собака толстая! – набычился я. – Когда это я в важных делах врал?!

– Эй, Йон, Янтье верно шебутной, но врать никогда не врал! – внезапно вмешался Пит-Головешка из Большого дома.

Пита все уважают.

Во-первых, он храбрый. Его Головешкой не просто так прозвали: когда дом старика Клауса горел, он оттуда детей вытащил: Линтье, подружку нашей Катье, и сестрёнку её меньшую, Анни. Во-вторых, он в Большом доме командир, десять парней и двенадцать девчонок его слушают!

Большой дом – это сиротский приют в нашей деревне. Схермер-озеро, может, и не море, но буйно и грозно. Тонут рыбаки, гибнут от горя, холода да голода их жёны, остаётся сиротами малышня. Вот и построили всем обществом Большой дом, а супруги ван дер Вильды им управляют и в порядке содержат. Ван дер Вильды окрестным не чета, старая фамилия, благородная. Но детей в порядке держат, голодать не дают, работой сверх меры не грузят, не обижают. Это всем известно.

Анна-Мария из Большого дома, самая красивая девочка в мире – вся в веснушках! – тоже была здесь и смотрела на меня во все глаза.

– Пусть поклянётся! – не унимался Толстый Йон. – Страшной клятвой пусть поклянётся!

Я только презрительно сплюнул ему под ноги. Хоть и без табака, а плевков вышел знатный!

– Да не вопрос! – ответил.

И набрал в грудь воздуха:

– Чтоб я слёг, чтоб я сдох, чтоб меня гадюки укусили, чтоб меня католики окрестили, чтоб я чумой заразился, чтоб я в англичанина превратился, чтоб меня по волнам болтало, а коль я соврал – начинай сначала!

Толстый Йон сопел, но возразить уже ничего не мог. Такими клятвами не шутят.

Тут-то они все и притихли. И тогда я им рассказал, что буду теперь жить в Алкмаре и учиться в канатной мастерской.

Тимпи сразу позабыл, что именно он первым начал сомневаться, и уже всю представлял себе, как я разбогатею от городской жизни и вернусь в деревню в двухцветном плаще, в башмаках с серебряными пряжками, а в каждой руке у меня будет по кульку со сладостями. Или нет, в правой – шпага, а в левой – кулёк. Два. И всё это я, разумеется, дам примерить, поносить и попробовать своему лучшему другу Тимпи.

Толстый Йон не простил унижения и ядовито бурчал себе под нос, что город, мол, и не таких обламывал и что ждёт меня там жизнь бродяги или нищего.

Пит-Головешка и другие мальчишки из Большого дома давали ценные советы. Они же ходили иногда в Алкмар на работу: красили стены и заборы, чистили каналы, пололи траву в садах богатых горожан.

Советы и впрямь ценные. Деньги вот надо хранить в поясе или зашивать в потайной карман. Иные дурачки прячут монеты в башмак, но то дело ненадёжное – башмаки в хорошей драке слетают первыми, а обшаривать спящих или раненых воры всегда начинают с обуви.

С городскими дело иметь можно, совсем уж уродов среди них никто не мог припомнить. Но за честь родной деревни постоять придётся. Это я и сам понимаю, взрослый уже.

Главное же в городе не теряться и не ходить разинув рот, не пялиться на все городские диковинки. Лопуха-разиню даже самый милосердный ангел не сочтёт за труд облапошить.

Тут Толстый Йон, злой и вредный, устал, что всё внимание мне досталось, и говорит, мол, мы тут вообще-то собрались в ножички играть. И – чудеса-чудеса! – поставил на кон свой собственный нож.

Дело серьёзное. Про мой Алкмар, про моё ученичество и даже про мою шапку все сразу забыли.

Нож у Толстого Йона настоящий, стальной, какой не у всякого взрослого найдёшь. С гладкой дубовой рукоятью, с медной шишечкой противовеса, даже с кольцом, к которому крепится шнурок! Такой нож уже не стойвер стоит, а как бы не целый флорин! А то и пару гульденов.

Нож Толстый Йон получил только-только на днях. Выпросил у папани своего заранее. Ему через неделю, как раз на Троицу тринадцать будет. Толстый Йон похвалялся, что получит и право шапку носить, и настоящим учеником трактирщика станет. Мол, взрослым будет, самый первый из нас. А тут – я!

И теперь Толстый Йон жаждал отыграться.

На земле быстро начертили круг, «пирог». Девчонки взялись судить. Это честно: их не перекричишь, если разом визжать начнут!

Анна-Мария быстро и чётко проговорила считалочку. Дело важное. Она даже покраснела до самых корней рыжих кудряшек, так что и веснушек почти не стало видно.

Разбивать выпало Питу-Головешке. Его старый сточенный ножик вошёл почти точно в центр круга.

Дальше все пошли «делить пирог». Девчонки судили честно, но иногда между собой спорили, чтобы честнее было. А если из нас кто пытался вставить веское мужское слово, встречали единым фронтом «не лезь!», так что любая терция обзавидуется.

Толстому Йону везло. Да и с таким-то ножом! Но он и играл хорошо, что есть, то есть.

А я со своим обломком быстро вышел из игры и теперь только следил, переживал за других.

Пыхтел Тимпи, обезьянья башка, Пит-Головешка был сосредоточен и молчалив, лыбился Толстый Йон, покрасневшая Анна-Мария сердито сдувала лезущие в глаза волосы и становилась ещё красивее...

А я вдруг подумал, что завтра уже уйду в город и вернусь... да Бог его знает, когда вернусь. Ученик – собственность мастера, он и работает, и живёт при мастере, под маманину юбку уже не спрячешься, не сбежишь. Это что же получается, я сегодня, может быть, последний раз вот так? С ребятами, с нашей заводью, с камышами этими, с Анной-Марией? И больше этого никогда не будет?

Шапка, отцова шапка словно легла мне на голову тяжёлым грузом. Это и есть взрослость, что ли?

Но тут раздался разочарованный вопль Толстого Йона и одновременно восторженный визг девчонок из Большого дома, да и всех остальных тоже. Пит-Головешка выиграл!

Все глупые мысли разом выскочили у меня из головы. Ура! Пит получит знаменитый Йонов нож! Так Толстому и надо, нечего хвастаться!

Но тут случилось нечто, что заставило всех нас, даже танцующих от радости девчонок, замереть на месте. Толстый Йон схватил свой – да нет, уже Питов! – нож, засунул в ножны под рубахой и отпрыгнул в сторону.

– Горчицу вам в штаны, а не мой нож! – выкрикнул он.

– Отдай! – сжав кулачки, крикнула Анна-Мария. – Это нечестно!

– Ха, нечестно! – рассмеялся Толстый Йон. – А благодетелей обманывать честно? Бродяги, нищоброды! Отцу расскажу, будет вам от господ ван дер Вильдов порка! Играть-то вам, сиротам убогим, запрещено!

– Отдай выигрыш! – вскинулся я.

Рядом тут же встали Тимпи, ещё ребята. Никто Толстого Йона не поддержал.

Но тому, кажется, было всё равно. Он презрительно хмыкнул и добавил:

– Попробуйте мне что сделать – всё через отца хозяевам Большого дома донесу. И про игру, и про то, как девчонки без рубах купались, про всё!

Я аж покраснел от злости. Про девчонок же это я рассказал. Чисто между нами, мужчинами. Только Толстый Йон не мужчиной оказался, а... трактирщиком.

– Так что, – Йон опять издевательски хмыкнул, – прощайте, нищоброды. Отец мне уже давно говорил, чтоб я с вами не водился. У господина судьи сын подрастает, у господина нотариуса две дочери. Вот приличная для меня компания, а вы... – и он сплюнул в заводу.

Повернулся, чтобы уйти, но внезапно остановился и добавил:

– А знаешь, Пит... Ты приходи за выигрышем-то. Я тебе честно отдам, да ещё и трактир наш добавлю... Да что трактир, сам к тебе в услужение пойду!

Все замерли, не понимая. С чего этот жадина такие обещания даёт? Но следующие слова Толстого Йона всё расставили по местам.

– Вот как ты по дну нашего Схермер-озера, – сказал он, – как по дну нашего озера пешком пройдёшь, так всё и получишь!

И, заржав во всю свою лошадиную глотку, свалил.

Глава третья. Большой город и неожиданная родня

С пал я в эту ночь плохо, в голову лезли какие-то странные, непривычные мне мысли. Видать, и впрямь отцова шапка действует. Так что встал, как всегда, рано, но слегка снулый, невыспавшийся. И, как всегда, позже мамани.

Её я нашёл опять же как всегда, на заднем дворе. Бросив в корыто первую партию белья, маманя стояла прямая, со скрещёнными на груди руками, и смотрела на краешек появившегося над озером солнца.

Я вышел к ней, а потом, сам не знаю почему, подбежал, уткнулся носом в спину, обхватил за живот руками. Маманя накрыла мои руки своими, и так, молча, мы простояли, пока солнце наполовину из озера не поднялось.

А потом я получил новые толстые красно-рыжие вязаные носки и настоящие городские деревянные башмаки. Клomпы, они же холbloки. Новые, жёлтые, пахнущие липовым деревом. В городе даже летом без обуви только босяки ходят, негоже ученику канатной мастерской милостивого господина Свинкеля на босяка походить.

Башмаки были не чета моим старым, в которых я ходил по деревне осенью и зимой, по непогоде. Одно удовольствие в таких-то пройтись!

Но вот от передней калитки уже послышались голоса первых служанок, привычно лениво и по-дружески перебранивающихся за место в очереди. А одна, служанка той самой госпожи Берксма, для которой снимали вчера простыни, прошла прямо на задний двор. Это с ней я должен был ехать.

Остальные служанки, что стояли со своими корзинами у дверей, начали возмущаться было такой наглостью, но узнав, что маманя отдаёт меня в город, тут же растаяли и стали наперебой учить городской жизни.

Учение сводилось к двум правилам: кланяться побольше, спина не переломится, да держи глаза и уши широко раскрытыми. Город – это не деревня, где все всех и всё знают и ничего не происходит. Город – это о-го-го! В городе возможностей море!

Вон Пит с Длинной улицы босяк босяком был, а как-то раз ухитрился трёхлетнюю дочурку господина ван дер Вита, торговца солью, из-под самых копыт коня вытащить да собой прикрыть, так гляди-ка, сразу место получил в доме и нашёл на куртку господский герб!

А с другой стороны, вот шёл Клаус-сапожник, орехи кушал да скорлупою не глядя плевал, ну и попал на лысину господину дер Кранцу, городскому судье. Вмиг скрутили дурака да все зубы и выбили. Нечего орехи щёлкать, коли плевать не умеешь!

Девицы охали, ахали, щебетали кто во что горазд и долго не отпускали бы меня, только маманя вмешалась. Она мигом осадила особенно говорливых, охолонула самых нервных. И вот я уже сидел на повозке Анны-Йоханны, служанки госпожи Берксма, на голове моей была отцова шапка, в руках – два узелка: со сменой одежды да с фасолевым пирогом, что я должен был вручить милостивому господину Свинкелю, а в душе – непонятное, глупое какое-то чувство. Я весь рвался в Алкмар, к новой жизни, но при этом меня ужас как тянуло ещё раз пройтись по нашей деревенской улице, переброситься парой слов с друзьями, дать по обезьяньей башке Тимпи... Да что там, сейчас я отчего-то даже по тяжёлым корытам маманиным скучал!

Катье-младшая, улыбаясь, обняла меня на прощанье и слюняво поцеловала в щёку, а потом вдруг разревелась. Пришлось ей пообещать, что обязательно пришло с первой же оказией городских лакомств. Она сразу же реветь перестала и даже подтолкнула меня к повозке.

Анна-Йоханна и сама залезла на возок, причмокнула, и смиренная лошадка, до того лениво щипавшая травинки у забора, мотнула головой и повезла нас в город. В новую мою жизнь.

В дороге молчать Анна-Йоханна не могла, это, видать, всех служанок примета – рот у них не закрывается, работает так, что удивительно, что они что другое ещё делать успевают.

Сначала она всё выпрашивала меня про мою жизнь, про маманю, про папаню да что я делать собираюсь. Но тут же, не слушая, перебивала меня всякими замечаниями, рассказывала о хозяйке, старой госпоже Берксма, и всём таком. Так я узнал, что простыни везём мы не самой госпоже, а её старшей дочери, что давно живёт уже своим домом, но «дети всегда дети, ты же знаешь!». Ничего такого я не знал, я сам уже взрослый! Но, конечно, промолчал, только уверенно кивнул. Анна-Йоханна посмотрела на меня, потом вздохнула и дала мне кусок чёрствого хлеба с маленькой луковичкой, и я с благодарностью принялся жевать. Дома, конечно, уже завтракал, но когда это было, так что отказываться – ищите дураков!

Ехали берегом Схермер-озера, мимо ферм, изредка обгоняя топающих по дороге людей. Те шли то налегке, с одной корзиной или с мешком за плечами, а то гнали перед собой кто корову, кто пару-тройку свиней, а кто и целое гусиное стадо. И чем ближе были мы к городу, тем больше таких было.

Ехали мы, к слову, уже долго. По всем моим ожиданиям, уже должен был быть я в самом Алкмаре, между тем не было видно даже его стен.

Но вот, повернув в очередной раз, наш возок влился в совсем уже полноводный ручей других телег, возков, не говоря уже о пешеходах. Теперь для проезда оставалась только половина дороги – по другой половине двигался не менее плотный поток повозок из города. Отличались наши возки незаметно, зато сильное отличие было на обочинах, среди пешего народа. Скотину мало кто гнал. Зато каждый второй тащил на плечах здоровенную корзину или плетёный ларь, а то чего побольше: штуку ткани, парусиновый свёрток с чем-то тяжёлым и длинным, доску, железную или жестяную трубу, ещё что.

Видно было, что крестьяне-буры¹ распродали в Алкмаре свой деревенский товар и закупились городским.

Тут-то на горизонте показались наконец и стены! Стены были белёные, невысокие, но я обрадовался им, как родным. Ехать под болтовню Анны-Йоханны мне уже изрядно надоело.

– Алкмар! – показал я на стены рукой.

А Анна-Йоханна залилась вдруг обидным смехом.

– То бывший монастырь в Оудорпе, – пояснила она. – До Алкмара ещё почти четыре версты!

Ну и ладно, четыре версты. Я во все глаза рассматривал Оудорп, через который мы как раз уже проезжали.

Мне про него рассказывал дедуня Ян, папаня моего папани. Дедуня Ян был боевой и участвовал в знаменитой Алкмарской виктории. Испанцы тогда осадили восставший город, а наши им крепко дали по зубам, и они бежали, говорил дедуня, в одних мокрых подштанниках.

Так вот главная квартира испанцев была как раз в Оудорпе! В этом самом монастыре и деревне рядом с ним. Как тогда, верно, нарядно выглядела деревня! Везде флаги, пушки, офицеры в блестящих кирасах и с яркими шарфами... Они, конечно, враги, но красиво же!

Дедуня Ян рассказывал, что один паренёк из их отряда смог захватить в плен какого-то важного испанца, что и по-человечески, по-голландски, разговаривать не умел. А только по-немецки да по-латыни.

¹ Воег (нидерл.) – крестьянин (прим. ред.).

Зато у пленника был медный посеребрённый шлем с огромным плюмажем из павлиньих перьев, кираса тоже вся с серебрением и изображением святых и пояс из серебряных и золотых колец! И это не говоря об оружии! Правда, вот шпагу офицер сломал – в этом месте дедуня Ян всегда хихикал и добавлял: «Об голову нашего везунчика». Пленный, по словам дедуни, тянул на хороший выкуп и принёс своему пленителю счастье – тот, не будь дураком, сразу купил большую ферму неподалёку да женился на девице, которую давно себе присмотрел, и взял за ней хорошее приданое. В военное время свободные и с достатком женихи были на вес золота.

Эх, жаль, что война нынче далеко! Вот бы и мне такого офицера взять в плен или хотя бы убить!.. Но куда там, нынче испанцев бьют на юге и востоке нашей великой Республики Семи Соединённых Нидерландов, отсюда и не видать.

Эх, ну почему все войны в округе кончились и на мою долю ничего не досталось?!

Пока я о собственном пленнике мечтал, показались стены самого Алкмара. Да уж, были они куда выше да толще монастырских в Оудорпе! Теперь я сам не понимал, как мог перепутать.

Стены изрядно поросли травой и даже молодыми кустиками да деревцами, но всё равно внушали уважение своими серыми да коричневыми боками, особенно воротные башни.

Именно тут выдержали алкмарцы, и мой дедуня Ян среди них, все три жестоких штурма, но не пропустили врага в город. А потом, как пришла осень, взорвали дамбы на окрестных реках да озёрах, пустили воду. Воевать испанцам по пояс в воде, с подмоченным порохом и утопшими пушками стало совсем невозможно. Да что пушки – в мокрых штанах не повоюешь!

Вот они и отступили, в первый раз за всю долгую войну проиграв восставшим. Эту победу назвали Алкмарской викторией.

«Победа начинается в Алкмаре» – так теперь даже на городском гербе написано!

Но тут же от мыслей о прошлом меня отвлекло интересное зрелище. Виселицы! Прямо у ворот, или, скорее, у стены между воротами и башней, что сторожила подходы по воде, со стороны Алкмарского озера, стояли три высокие – выше деревьев! – крепкие виселицы.

К моему великому сожалению, они сейчас были пустые, ни в одной из множества – я насчитал не меньше десятка! – петель не болтался какой-нибудь вор, пират или разбойник. Ну ничего, я в Алкмар надолго. Наверняка ещё увижу, как кого-нибудь повесят!

– Ну вот, приехали! – Анна-Йоханна остановила возок и дала мне спрыгнуть наземь. – Куда идти-то, знаешь?

Я уверенно кивнул в ответ. Чтобы я чего-то да не нашёл!

– Ну что ж, удачи тебе, Янтъе! – улыбнулась добрая девушка. – Мне-то не в сам Алкмар, сейчас вдоль стены, а там и... Ой, ну да тебе неинтересно! Прощай пока!

Ухватив с повозки свои узелки с вещами да с пирогом, подношением милостивому господину Свинкелю, я низко, как учили, поклонился доброй женщине – нужно же начинать быть городским, ну!

И отправился вперёд.

Мост перед воротами я преодолел бегом – уж слишком сильная вонь шла из городского рва: не чистили, верно, лет сто! Воняло хуже, чем из сточной канавы позади трактира, что держал папаня Толстого Йона, где некогда мой папаня и Тим-плотник искупали захожего проповедника. А это надо постараться!

За воротами меня встретила целая толпа народу, так что я, вцепившись обеими руками в узелок, постарался пробиться к краю толпы. Да куда там! Вытекавший из ворот поток целенаправленно проталкивал меня с собою довольно далеко, прежде чем я решился пустить в дело локти и начать уже зло расталкивать людей. До этого было как-то боязно – мол, только приехал, а уже толкаюсь! Но жажда свободы и свежего воздуха взяла своё, и я пробился к краю толпы, а там выскочил к стене какого-то дома. Еле успел! Ещё немного, и мой драгоценный пирог превратился бы в кашу!

Алкмар оглушал и ослеплял сразу. Народу вокруг было что на нашей ярмарке, а то и больше! Торопливо шли мужчины в широкополых шляпах, перекрикивались женщины в чепцах и платках, торговцы тащили огромные корзины или катили свои тележки и тачки, мелькали дети – и девчонки, и мальчишки. Кто-то волок на привязи козу или овцу, кто-то шёл, взвалив на плечи визжащего поросё, лаяли собаки. Хрипло орал огромный пёстрый петух, яркий, как дворянин среди босяков.

Шум, гам, запахи. Пирожники с лотками ловко сновали тут и там и соблазняли райскими благоуханиями жареного лука, томлёной репы, жирного ливера.

Аж живот заныл. До чего же есть охота! А ведь до вечера ещё о-го-го сколько. Да и будут ли там, в этой канатной мастерской, кормить? Я вздохнул. Решительно полез за пазуху и вытащил припрятанный узелок. Сухарь и последняя, самая сладкая луковка. Эх, пропадать так пропадать!

Тут же, у стены, прижавшись к ней боком, чтобы не снёс кто, проглотил свой обед. Ну вот и сыт теперь, Янтё! Другого-то ничего всё равно нет.

Вытер рот рукавом – маманя аккуратности учила, вот и стараюсь. Оглянулся уже спокойнее.

Кое-где толпа закручивалась водоворотом: то проходили в окружении лакеев благородные. Дюжие лакеи – ливрея того и гляди на плечах лопнет – поливали руганью мешавших пройти простолюдинов, а если не помогало, пускали в ход кулаки или даже короткие дубинки. Толпа злобилась в ответ – так что ругань неслась вслед такому господину, – потирала отбитые бока и расступалась.

Особенно меня поразила богатая дама, что шествовала по улице, окружённая дюжиной, наверное, лакеев. На её платье, от лифа до самых оборок пышной юбки, была нашита сотня, не меньше, серебряных и золотых цепочек, висюлек и колокольчиков, отчего при каждом шаге раздавалась ангельская музыка. Рядом шла девица с большим опахалом из лебединых перьев, отгоняла от своей хозяйки мух. Сама дама держала в руках книжечку с серебряными уголками и что-то записывала в неё. Писала она не пером, а чудным инструментом: толстой и короткой серебряной палочкой с закреплённым на конце угольком. Ужас как интересно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.